

Соловьев (Евгений Андреевич) - талантливый писатель. Родился в 1863 г.; учился на историко-филологическом факультете СПб. университета. Недолго был учителем гимназии. Под псевдонимом Скриба выдвинулся бойкими критическими фельетонами в "Русской Жизни" и "Новостях". Принимал деятельное участие в "Биографической Библиотеке" Павленкова, для которой написал ряд биографий; из них обратили на себя особенное внимание посвященные Писареву, Толстому и Герцену (под псевдонимом Смирнов). Павленковым же издан интересный сборник рассказов и очерков С. из жизни идейной молодежи: "В раздумьи" (СПб., 1893). В 1898 г. издал компилятивную книгу "Белинский в его письмах и сочинениях" (СПб.). С основанием в конце 1890-х гг. марксистской "Жизни" (Доп. I, 753) С. под псевдонимом Андреевич становится присяжным критиком журнала, где были напечатаны широко задуманные, но под конец скомканные его статьи "Семидесятые годы" и статьи о Чехове и Горьком. Часть этих статей вошла в состав "Книги о Чехове и Горьком" (СПб., 1901) и "Очерков из истории русской литературы XIX века" (СПб., 1903). Вдумчивый и работоспособный С. был крайне беспорядочен в личной жизни. Страдая известной русской "слабостью", он часто откладывал работу до последнего момента и тут уже не стеснялся цитировать книги, которых вовсе не читал, на память делать цитаты из книг, читанных очень давно, и даже приводить огромные выдержки из разных книг без указания источника. Смущенный разоблачениями этого недостатка С. на некоторое время исчезает из столичной печати, но вскоре под новым псевдонимом Мирский появляется в "Журнале для всех". В 1905 г. изданная "Знанием" книга его (под псевдонимом Андреевич) "Опыт философии русской литературы" имела большой успех и в публике, и в критике. В том же году вышла переработанная его монография о Толстом. В августе 1905 г. он скоропостижно умер. Смерть его вызвала всеобщее сожаление. Опасно было бы полагаться только на его историко-литературные и критические работы, полные неточностей и ошибок; но они с большой пользой могут служить для вторичного ознакомления с предметом. Язык и литературная манера С. крайне неровны. Можно было бы назвать его писателем блестящим, если бы не размахистость, иногда переходящая в вульгарность. По общему складу своего историко-литературного метода С. - исключительно критик-публицист. Анализом чисто литературных свойств таланта отдельных писателей он вовсе не занимается. Публицистическая окраска особенно окрепла в его писаниях в конце 90-х гг., когда марксизм дал ему определенную нить. В "Очерках" он не сомневается в том, что "всякая идея, всякий новый художественный образ, как стрелки на часах, отмечают лишь переворот и перераспределение сил внутри общественного организма; без переворота в обществе не бывает и переворота в литературе". Весь ход русской литературы XIX века представляется С. как проявление борьбы классов и сословий и сводится к смене "дворянского" прекраснодушия озлоблением "разночинца" и предчувствием грядущей победы у представителей лозунгов пролетариата. В это прокрустово ложе марксистской схемы С. вгоняет все разнообразие отдельных писательских темпераментов и художественных сил. Позже, в "Опыте философии русской литературы", С. определяет "господствующую идею нашей литературы как аболиционистскую, освободительную". Для него "литература - борьба за освобождение личности и личного начала прежде всего". Таким образом, "борьба классов" как будто забыта; вполне правильно признается "подвижничество за народ" всей русской интеллигенции, без различия "классов". По прежнему, однако, проводится мысль, что "личность писателя, во всей пестроте и капризности ее обстановки и проявлений, все решительнее должна уйти из области истории литературы... Величайшей ошибкой было бы признавать, что мыслит отдельный человек, мыслят общественные группы, общественные классы. С отдельными именами связаны только наиболее удачные формулы". История литературы должна освободиться от "культы полубогов и героев, царей и царьков литературного мира".

С. Венгеров.